

2. Wierzbicki J. Književnost ilirizma u odnosu prema zapadnoslavenskim književnostima / Hrvatska književnost prema zapadnoeuropskim književnostima. — Zagreb : 1970. — str.121-133.
3. Hrvatski putopisci 19 i 20 st. [ur. S. Ježić] . — Zagreb : Zora, 1955.
4. Šicel M. Pregled novije hrvatske književnosti. — Zagreb : 1966, str. 44.
5. Barac A. Hrvatska književnost, knj II. — Zagreb : 1960, str. 25.
6. Kukuljević Sakcinski I. Putovanja po Bosni [ur. I. Sršen]. — Zagreb : Parvus, 2007.
7. Kukuljević Sakcinski I. Put u Senj. Putne uspomene. — Senj : Matica Hrvatska, 2001.

УДК 882. 6. 09 (091) (075.8)

Белая Е.И.
(Барановичи, Беларусь)

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕТАФОРЫ ТЕЧЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ «ЭПОХИ РУБЕЖА»

У статті розглядається метафора як засіб пізнання і естетичного відображення дійсності; аналізується широкий спектр значень, з якими співвідносяться метафора «течія» в художніх текстах «епохи зламу»; робиться висновок про те, в який спосіб метафорика дозволяє здійснити екзистенціальну інтерпретацію картин епохи.

Ключові слова: екзистенція, метафорична мова, образи водної стихії, естетична функція метафори «течія».

В статье рассматривается метафора как средство познания и эстетического отражения действительности; анализируется широкий спектр смыслов, с которыми соотносится метафора «течение» в художественных текстах «эпохи рубежа»; делается вывод о том, каким образом метафорика позволяет осуществить экзистенциальную интерпретацию картин эпохи.

Ключевые слова: экзистенция; метафорический язык; образы водной стихии; эстетическая функция метафоры «течение».

The article focuses on metaphor as a means of cognition and aesthetic reflection of reality; presents an analysis of a wide range of meanings correlated with the metaphor “current” in the borderline epoch literature. The author finds out how metaphor enables to give an interpretation of the epoch picture in terms of existence.

Key words: existence, metaphoric language, images of the water element, the aesthetic function of the metaphor “current”.

Современные исследования метафоры привели учёных к ряду интересных выводов, среди которых выделяется тезис о её связи с областью бессознательного, его архетипической основой [1]. Обладая этим свойством, метафора получает доступ к тайнам предметного мира, служит созданию его целостности. Она может обнаружить присутствие

в явлении не только множества различных смыслов, но и противоположных начал, а также охватить широкий спектр смыслов, с которыми соотносимо изучаемое явление. Метафора является средством расширения границ языка, а следовательно и человеческого сознания; через неё открываются глубинные основы реальности. Лингвистическая философия подталкивает к трактовке метафоры в терминологии квантовой физики. Это, по мнению И.В.Полозовой, может привести «не только к пониманию ее как языкового средства или элемента мышления, но... к утверждению ее онтологического значения...» [1]: согласно некоторым трактовкам квантовой теории, в основе мироздания лежит не вещество, а информация.

Именно метафора является первичным средством репрезентации человеческого опыта и первичной формой мышления. Собственно философская метафора представляет собой соединение, с одной стороны, «вечных» тем и абстрактных смыслов, с другой стороны — культурно обусловленных «оболочек» и конкретного содержания. Нобелевский лауреат В. Гейзенберг утверждал, что даже физик, «говоря о событии в мире атомов, нередко довольствуется неточным метафорическим языком и, подобно поэту, стремится с помощью образов и сравнений подтолкнуть ум слушателя в желательном направлении, а не к определенному направлению мысли» [1]. Это качество метафорического языка оказалось чрезвычайно ценным в период господства в литературе вульгарного социологизма, когда эстетическим приоритетом являлся показ злободневного. Г. Бёлль, противопоставляя понятия «злободневное» и «действительное», отмечал: «Чтобы в злободневном увидеть действительное, нужно привести в движение нашу фантазию, силу воображения, дающую нам способность создать образ. Злободневное — ключ к действительному» [2: 681]. Действительность «эпохи рубежа» сегодня во многом открылась нам благодаря историческим документам и усилиям их исследователей. Но постичь то, каким видели действительное в злободневном писатели этого периода, позволяет использованная ими метафорика как средство экзистенциальной интерпретации картин эпохи, и в частности метафора *течение*. Образ водной субстанции в разных вариациях (река, море, волны, поток, бездна) «служит средством репрезентации разнообразных явлений действительности. Это и образ времени, и образ пространства, своеобразный хронотоп» [3: 59]. Река — амбивалентный символ, соответствующий как созидательной, так и разрушительной силе природы. С одной стороны, он означает плодородие, движение и очищение, а с другой — сигнализирует о препятствии либо опасности, связанной с потоком, наводнением. Один из вариантов заголовков романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» — «Рыньва». Это название «известной судоходной реки», на которой стоит город Юрятин, упоминается во второй книге романа. Оно образовано от слов языка коми «рын» (настежь) и «ва» (вода), что в целом означает «река, распахнутая настезь». Один из синонимов этого названия — «река времён, река жизни» [5: 43]. Вместе с тем это основополагающие философские метафоры, исходные для целого ряда художественных образов, воплощающих человеческое существование как течение между берегами Добра и Зла. *«Уходили на вечный отдых те, кому пришло время, зарождались новые жизни; открывались новые раны, ныли, рубцевались; затихали вздохи и сменялись первой радостью; новые страхи вставали в сумеречный час; в потоке жизни барахтались люди, смытые с насоро сколоченных плотов. Текла с привычным шумом река Времени...»* [4: 603-604].

Примечательно, что в прозе первой трети XX века широко используется фольклор-

ная поэтика относительно неизвестных и/или непонятных людям вещей и явлений, для отображения которых у них ещё не вышло собственное, подкреплённое личным опытом слово. В этом случае тоже актуализируется метафора течения: «*А вокруг жизнь новая была свежим ключом. Люди выпрямились. Глаза новым блеском горели*» [7: 116]. Однако этот «приблизительный» метафорический язык помогает и рациональному осмыслению новых идей, что овладели миром в «эпоху рубежа». Древнегреческие стоики объявляли Хаос водой. Эта же мысль проходит и в иных мифопоэтических традициях, что может быть обусловлено знакомством наших далёких предков с океаном, «удивлением и страхом перед яго безграничностью, колоссальной силой, неукротимостью, таинственностью...» [6: 42]. Органична в этом смысле метафора течения, символизирующая хаос как разрушение социокультурной традиции.

Центральной характеристикой любого общества является «баланс между публичностью и приватностью» [8: 51] как одна из социальных ипостасей извечного противостояния Добра и Зла. Нарушение гармоничного соотношения между этими сферами — а оно как раз и характеризует «эпоху рубежа» — деформирует нормальное течение человеческой жизни, приводя в итоге к тоталитаризму. Г. Лебон в своей работе «Психология народов и масс» писал: «Словно река, которая вышла из берегов и которую не в состоянии удержать никакая плотина, идея продолжает свое опустошительное, величественное и страшное течение» [9]. Среди негативных результатов воцарения той либо иной идеи учёный отмечает образование спонтанных сообществ, аналогичных толпе, где «роль социальной связи играет гнев, а коллективизм не имеет иной цели, кроме осуществления над определёнными индивидуумами какой-либо репрессивной санкции. К тому же, в толпе происходит затмение разума; толпа воссоздаёт мыслительные стереотипы и групповые реакции, свойственные первобытным сообществам. Такая группа нивелирует личность, так как подхвачена потоком коллективного безумства» [9]. За образами течения, потока в переходные периоды стоят преимущественно разрушительные первоисточники, которые захватывают человека в бездну катастрофического распада. Новые жизненные реалии поставили обычного человека перед бездной существования — нет Бога, нет собственности, — значит, исчезли осмысленность и прочность бытия. Не зря в творческом мышлении дилеммы-смыслообразы омута, водоворота выступают в самых разных культурных формах — мифологической, философской, психологической.

В символично-метафорическом ряде, использованном А.Блоком в статье «Интеллигенция и революция», наиболее развёрнута экзистенциальная метафора бурного течения: «Революция... всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимыми недостойных; но — это ее частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот всё равно всегда — о великом» [10].

«Эпоха рубежа» катастрофично изменила привычное течение жизни. Как говорит обыватель в романе М.Осоргина «Сивцев Вражек», «прежняя жизнь хотя и была тоже дрянь, но была прочна» [4: 472]. В белорусской прозе актуализируется локус «стена» как некая грань между старым и новым. Его метафорика приобретает ещё большую наполненность в связи с символикой стужи и бездны как художественными маркерами разрушения гуманистических ценностей. «Вот если бы знать, что за той стеной. Не выломать

бы стены на мороз» [11: 389]. В романе П.Головача «Сквозь годы» в дискурсе героя проходит мысль о творческом кризисе поэта, который «хотел бы видеть завтрашний день лучшим, но пока видит перед собой стену, глухую стену и не знает, что будет за ней. ...Что, если за стеной бездна?.. И если бы это было только его собственной трагедией, но это же трагедия целого поколения людей...» [12: 374]. Понятие «бездна» родственно понятию омут (наиболее глубокое место в озере или русле реки). Один из гиперонимов к слову «омут» — провал. Дно в омуте обычно углублено течением или высверлено водоворотами. Водоворот в переводе на белорусский язык — «вір» (круговое, воронкообразное движение воды на реке, возникающее от столкновения встречных потоков, либо глубокое, с ямой, место в реке, где происходит завихрение течения [13: 113]). И если в русском языке есть устойчивое сочетание «тихий омут», то в белорусском варианте оно невозможно даже как пример оксюморонного мышления. А это уже вопрос о национальной картине мира, об экзистенции народа. «У віру на калу» — так скажут белорусы о неустойчивой, неопределённой жизни. Образ водоворота непосредственно обусловлен и слабостью позиций строителей нового общества, отсутствием *«твёрдой почвы под ногами, того, на что можно было бы опереться»* [12: 73]. Для рассуждающих героев М.Лынькова («На красных вырубках») вир — микромодель мироустройства, обладающая не только философской значимостью, но и эстетической ценностью. Как всё, имеющее глубину, он амбивалентен. Глядя на него, делается до обморока страшно, но в то же время и легчает на душе. Он *«очень красивый; и страшный... и притягательный: всё кружится, кружится, кружится... И днём и ночью. И тысячи лет. <...> Говорят, и Земля кружится, и мы с землёй кружимся... Вот и пойми всё — а отчего же оно кружится?»* [14: 170].

Человек — живой обломок в бурном течении времени», — утверждает историк А. Дж. Тойнби [15: 9]. Это разносторонне отобразилось в названиях и коллизиях белорусской прозы. Апеллирует к образу потока П.Головач, создавая картину начала XX столетия, реалии столыпинской земельной реформы. *«За словами о демократии брезжил, хоть пока и тускло, облик новой России»*. Но нерешённость земельного вопроса заслоняла этот облик нищенскими тенями голодных крестьян. *«Они брели друг за другом толпами, и образ новой России исчезал, рассеявшись в потоке голодных людей...»* [12: 73]. В «кровавый водоворот» событий первой русской революции вовлечены герои одноименного рассказа Я.Коласа. Завертелся, как щепка в перевале, и не к тому берегу пристал» заглавный герой его рассказа «Балаховец». Как «щепки на волнах» в бурное время чувствуют себя герои рассказов Т. Гартного, объединённых в сборник с таким названием. То, что они, образованный от названия определённой онтологической детали, способен метафоризоваться, свидетельствует его рассказ «Сымонка-инженер». Т. Гартный повествует о белорусском местечке Ступа, попавшем в 1915 году «в водоворот войны», которое за четыре года несколько раз переходило из рук в руки, будучи и жертвой, и свидетелем великих жертв. Сконструированный автором топоним, вызывая обоснованную ассоциацию с выражением «В ступе воду толочь», акцентирует внимание на преступной бессмысленности войны.

Повесть Я.Коласа «Трясина» (в оригинале «Дрыгва») повествует о событиях на Полесье во время белопольской оккупации. Заголовок произведения символичен. Дрыгва — топь, зыбкое болотистое место. Объективно это символ опасности для оккупантов.

Однако Я. Колас в метафорической форме предупреждает и об изменившихся людских нравах. С людьми нынче следует быть осторожным, как на болотной дрыгве: ступишь не так — провалишься, не осмотришься — на гадюку наткнёшься... Начало поэмы Я. Коласа «Новая земля» («*Мой родны кут, як ты мне мілы...*») является своеобразным категорическим императивом для беларусов. Один из фольварков в повести «Трясына» писатель называет Виркутье (Віркуцце). Метафорическая природа данного топонима определяется присутствием в нём полярных, противоположных начал. Тихий, заходустный родной уголок вовлечён в водоворот исторических событий, в которых героям надлежит определить своё место. Диалектика «злободневного» как исторического события и «действительного» как его фатальной укоренённости в судьбе народа угадывается в текстовых фрагментах, не выходящих на первый взгляд за рамки описания природных ландшафтов. «*Река течёт вдоль самого местечка, и рядом с рекою, то выходя за местечко, то прижимаясь к самим местечковым старым разрушенным строениям, тянутся окопы*» [12: 119]. Граница, разделившая белорусские земли по условиям Рижского договора 1921 года, проходит в одной из деревень по реке (К. Чорный, «Батьковщина»), которая, в свою очередь, всегда делила эту деревню пополам. В результате деревня сейчас «*и там и тут*». «*Граница идёт так, как идёт речка. По речке граница пошла. И теперь на том берегу речки — там, а на этом — тут*» [16: 420].

В прозе «эпохи рубежа» герой погружается в естественный жизненный поток (художественную имитацию его) и ставится в универсальные ситуации испытания (идеологические дебаты, дружба, вражда, любовь, сыновство-отцовство, смерть), в которых он должен продемонстрировать свою личностную состоятельность. Но поскольку чрезвычайно интенсивны сила и скорость этого потока, то универсальные ситуации трансформируются в экстремальные, и это находит соответствующее выражение в поэтике произведений. Многозначна метафора водного течения в повестях молодого прозаика С. Барановых: как извечное происхождение жизни, витальность; как универсальная неотвратимость Судьбы и, вместе с тем, как неистребимое желание человека двигаться по индивидуальной личностной траектории. «*...ничто против воды не может дышать. Её запирают, собирают в ларь, а остановить не могут. Она должна идти как день, как ночь. Она сама себе хозяйн...*» [17: 181]. Экзистенциальный смысл метафоры течения часто усиливается символикой мельницы, которая выступает в качестве локуса культуры. Мы принимаем определение локусов культуры как «пространственных понятий (конкретных существительных), которые регулярно воссоздаются в текстах культуры и... метафоризируют некое свойство бытия» [18: 138]. Один из героев С. Барановых признаётся: «*Никогда не был бы мельником. Это же каждый раз жизнь свою около смерти ставить надо...*» [17: 186]. «Злободневное» в данном эпизоде то, что мельничное колесо подхватило и погубило Максима-активиста, который нашёл у кулаков неучтённую землю. «Действительное» — реальность «великого перелома», губительная для хозяев и собственников. Как иронично писал В. Набоков, в советской литературе кулак почему-то чаще всего мельник. «У него толстый живот, он хитрый и жадный, сначала эксплуатирует бедняков, а потом, когда как гром Господень, настигнет его революция, он примыкает к кадетской партии, довольно бесстрашно — в своей грешной слепоте — ругает в глаза большевиков, которые пришли к нему реквизировать муку и мельницу, и надлежащим образом гибнет от удара штыка в его толстый живот» [19]. Символически мельница, как

и хутор, выступает своеобразной опорой индивидуальности в нивелирующей её действительности.

Жёсткое программирование общественного развития, к которому стремилась тоталитарная система, возлагая надежды на искусственное навязывание заидеологизированных взглядов на мир, практически недостигаемо. Об этом заявляла художественная проза первых и подтвердил опыт последних десятилетий XX века. Высказанное «неточным метафорическим языком», данное утверждение становится ещё более убедительным. Об этом свидетельствует оппозиция распространённых в поэтике того времени символов, творчески интерпретированная белорусским учёным М.Тычиной: «Уже и тогда, когда... “наш бронепоезд”, который то “стоял на запасном пути”, то, внушая страх, летел вперёд — “в Коммуне остановка”, глубокое течение жизни так или иначе, в той или иной форме заявляло свои права на существование» [20: 69]. Учёный идентифицирует метафору *течение* как утверждение стихийной силы самопорождающего потока жизни и неограниченных креативных возможностей человека [20: 48] в противовес выбору «новых людей» жить исключительно рассудком и «глубинами воли» [12: 6]: ибо «*стоит потерять уверенность, и тело начинает идти ко дну*» [12: 67] даже вопреки уменью плавать. Чувство страха перед «чёрной бездной» чуть не стоило жизни профессору Гольнскому (П.Головач, «Сквозь годы»), который вряд ли смог бы переплыть «на другую сторону озера», не приди ему на помощь большевик Будник... Однако профессору пришлось вслед за спасителем вернуться на исходный берег: «*Первым на ноги стал и полез на берег незнакомец. С берега он наклонился, чтобы подать Гольнскому руку*» [12: 67]. Этот эпизод, безусловно, выходит за рамки «злободневного». Тем более что роман «Сквозь годы», пожалуй, единственный, в белорусской прозе «эпохи рубежа», где в символично-метафорическом плане ставится проблема эмиграции как выбора научной интеллигенции.

В поэме Я.Коласа «Новая земля» есть строки, посвящённые собрату по перу, которые в контексте нашей статьи могут быть поняты без перевода: «*Мой мілы Янка, мой Купала, ў агульны вiр нас доля ўгнала...*» [21: 469]. И, думается, метафоризация писателем судьбы как водоворота основывается не только на трудностях и испытаниях, связанных со сложностью политической ситуации в белорусском крае. Речь идёт об усложнившемся выборе Поэта и Гражданина. С осознанием этого М.Волошин писал в статье «Россия распятая»: «Нет ничего более тяжёлого, чем найти слова, формулирующие современность. Художественное слово не терпит той условности, поверхностной, газетной правды, в которой изживается нами каждое текущее мгновение. Для того, чтобы увидеть современность в связи с общим течением истории, надо суметь отойти от неё на известное расстояние» [22: 457]. По мнению Волошина, творческий ритм — это размеренное движение гребца против «реки времён» [22: 457]. В то же время он предупреждал: «Такое популярное среди поэтов нашего времени улавливание “ритма современности” есть не более чем один из видов малодушного приспособления к непонятым и жутким катаклизмам, пассивное отдавание себя течению времени, которое всегда относит назад» [22: 457]. Та же проблема волновала и молодого белорусского прозаика Л. Калогу, который высказал справедливо-ироническую мысль о положении художника в эпоху вульгаризации. «*Ловкость нужна во всём. Надо быть лёгким, чтоб не пойти на дно в кипучем нашем водовороте. Надо быть подвижным, чтобы ежеминутно тебя в самой изящной позе видели на поверхности*» [23: 117].

Таким образом, метафора не только выполняет эстетическую, аксиологическую, номинативную функции, но и обладает богатыми эвристическими возможностями. Представляющая собой результат соединения самых разнообразных идей, метафора *течение* органична для литературы переходных периодов. Её приоритет обусловлен возможностью сочетать конкретно-историческое и универсальное в процессе репрезентации действительности, а декодирование смыслов в современных условиях даёт представление об особенностях экзистенции личности в «эпоху рубежа».

ЛИТЕРАТУРА

1. Полозова, И.В. Глубинные основания метафоры / И.В. Полозова // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 2004 — №3. — С. 70—85. — Режим доступа: http://www.philos.msu.ru/vestnik/philos/art/2004/polozova_glub.htm
2. Бёльль, Г. Собрание сочинений. В 5 т. // Генрих Бёльль. — М.: Худож. лит., 1989. — Т. 1. Романы; Повесть; Рассказы; Эссе. 1947—1954; Пер. с нем. / Редкол.: А. Карельский [и др.]; Сост. и вступ. ст. И. Фрадкина; Коммент.Г. Бергельсона. — 703 с.
3. Белая, А. І. Сімволіка вобраза плыні і яе канатацыі ў святле асабовай праблематыкі прозы першай трэці XX стагоддзя / Алена Іванаўна Белая. — Куляшоўскія чытанні : мат-лы Міжнар. навук.-практ. канф.: у 2 ч. Ч. 1. — Магілёў : МДУ імя А.А.Куляшова, 2010. — С.59—65 с.
4. Осоргин, М.А. Времена: Автобиографическое повествование. Романы. / Сост. Н. М. Пирумова; Авт. вступ. статьи А. Л. Афанасьев / М. А. Осоргин. — М. : Современник, 1989. — 622 с.
5. Соколов, Б. Кто вы, Доктор Живаго? / Борис Соколов. — Москва: Яуза, Эксмо, 2006. — 352 с.
6. Шамякіна, Т. І. Міфалогія Беларусі (нарысы) / Т. І. Шамякіна. — Мінск: Маст. літ., 2000. — 400 с.
7. Бядуля, З. Апавяданні / З. Бядуля // Уст. арт.: І. Кудраўцаў. — Мінск: “Нар. асвета”, 1973. — 160 с.
8. Краткий словарь по философии. Более 1000 статей. / Авт.-сост. Н. Н. Рогалевиц. — Минск : Харвест, 2007. — 832 с.
9. Лебон, Г. Психология народов и масс. / Г. Лебон. — Режим доступа: http://www/gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Lebon-Ps_Na
10. Блок, А. Интеллигенция и революция / Александр Блок // Режим доступа: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/LITRA/INTREV.HTM>
11. Белая, А. І Герой. Асоба. Характар : мастацкая персаналогія ў беларускай прозе першай трэці XX стагоддзя: манаграфія. / А. І. Белая. — Баранавічы : РВА БарДУ, 2012. — 518 с.
12. Галавач, П. Праз гады / П. Галавач. — Мінск: Маст. літ., 1984. — 368 с.
13. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / Пад рэд. М.Р.Суднікі, М.Р.Крыўко. — Мінск: БелЭн, 1996 — 784 с.
14. Лынькоў, М. Над Бугам: Апавяданні, аповесці, урыўкі з рамана / М. Лынькоў; Уклад. З. Пазняк. — Мн: Маст.літ., 2002. — 446 с.
15. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Айрис-пресс, 2003. — 592 с

15. Чорны К. Збор твораў. У 8 т. / К. Чорны. — Т. 4. Аповесці і раманы. — Мінск: Маст. літ., 1973. — 496 с.

16. Лассан, Э. Лингвокультурология. Очерк русской концептологии: Учебное пособие для студентов / Э. Лассан. — Vilnius : Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2008. — 140 p.

17. Баранавых, С. Дзве аповесці / С. Баранавых. — Мінск : Беларусь, 1967. — 316 с.

18. Набоков, В. Собрание сочинений русского периода в пяти томах / В. Набоков. — Т. 2. 1926 – 1930: Машенька. Король, дама, валет. Защита Лужина. Рассказы. Стихотворения. Драма. Эссе. Рецензии. / Сост. Н.И. Артеменко-Толстой. Пред. М. Э. Маликовой, В. Б. Полищук, О. В. Сконечной, Ю. Левинга, Р. Д. Тименчика. – СПб.: Симпозиум, 1999. — С. 683–689. Режим доступа: http://litcatalog/al.ru/books/nabokov_rp_t2.html

19. Літаратура пераходнага перыяду: тэарэтычныя асновы гісторыка-літаратурнага працэсу / М. А. Тычына [і інш.]; навук. рэд. М. А. Тычына. — Мінск: Беларус. навука, 2007. — 363 с.

20. Колас, Я. Вершы. Паэмы. Аповяданні. Аповесці. Трылогія «На ростанях» / Я. Колас ; [прадм. М. Мушынскага]. — Мн. : Харвест, 2007. — 1168 с.

21. Волошин, М. Избранное: Стихотворения, воспоминания, переписка / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. З. Давыдова, В. Купченко. // М. Волошин. — Мінск: Маст. літ., 1993. — 479 с.

22. Калюга, Л. Творы: раман, аповесці, апавяданні, лісты / Уклад., прадм. Я. Лецкі; Камент. Н. В. Гаўрош, Т. М. Трыпуцінай /Л. Калюга. — Мн.: Маст. літ., 1992. — 607 с.